

МНОГОВЕКТОРНОСТЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Д.Е. Муза

Цивилизационная концепция А.С. Панарина и проблемы актуального мирополитического процесса

Dmitry E. Muza

A.S. Panarin's civilizational concept and problems of the current world political process

В статье предложена интерпретация философско-исторической концепции А.С. Панарина, которая охватывает большой круг вопросов цивилизационного развития человечества, как и вариантов конституирования культурно-политических порядков бытия дифференцированного по ценностным основаниям человечества.

Исследовательская гипотеза состоит не только в артикуляции панаринского наследия, многолетней деятельности его научной школы, но также в реконструкции и интерпретации основных положений его цивилизационной концепции, приложимых к мирополитическому процессу и его интригам.

Сегодня можно говорить о том, что многие интуиции и прозрения мыслителя сбываются. В частности, состоялся «реванш Истории», а именно: ее «восточного мегацикла», где Россия и русская цивилизация играют решающую роль.

Показано, что предложенный А.С. Панариным фокус понимания политической динамики прямо указывает на «цивилизационные стратегии», которые охватывают притязания цивилизаций на форматирование и маршрутирование Истории. В свою очередь очерчен сюжет о «цивилизационной стратегии» западной цивилизации, подчеркнуто деструктивный в отношении не-западных цивилизационных систем. Причем во многом такое положение дел вызвано «кризисом постулатов исторической рациональности». Напротив, кооперация не-западных цивилизаций, возможная не только на геополитической, но и на этико-аксиологической основе по-прежнему представляется перспективным путем изменения характера и логики Истории. Подводя итоги, можно сказать, что цивилизационная концепция А.С. Панарина служит важным методологическим ориентиром в понимании общемировой динамики, равно как цивилизационного бытия России.

Ключевые слова: наследие А.С. Панарина, мировые цивилизации, «цивилизационные стратегии», покушение Запада на Историю, возможные цивилизационные альтернативы, кооперация цивилизаций.

The article offers an interpretation of the philosophical and historical concept of A.S. Panarin, which covers a wide range of issues of civilizational development of mankind, as well as options for the constitution of cultural and political orders of being differentiated by value bases of humanity.

The research hypothesis consists not only in the articulation of the Panarin heritage, the long-term activity of his scientific school, but also in the reconstruction and interpretation of the main provisions of his civilizational concept, which are applicable to the world political process and its intrigues.

Today we can say that many intuitions and insights of the thinker come true. In particular, the “revenge of History” took place, namely, its “eastern megacycle”, where Russia and Russian civilization play a decisive role.

It is shown that the focus of understanding political dynamics proposed by A.S. Panarin directly points to “civilizational strategies” that cover the claims of civilizations to format and route History. In turn, the plot of the “civilizational strategy” of Western civilization is outlined, which is particularly destructive in relation to non-Western civilizational systems. And in many ways, this state of affairs is caused by the “crisis of the postulates of historical rationality”. On the contrary, the cooperation of non-Western civilizations, which is possible not only on a geopolitical, but also on an ethical and axiological basis, still seems to be a promising way to change the nature and logic of History.

Summing up, we can say that the civilizational concept of A.S. Panarin serves as an important methodological a reference point in understanding the global dynamics, as well as the civilizational existence of Russia.

Keywords: A.S. Panarin’s legacy, world civilizations, “civilizational strategies”, the West’s attempt on History, possible civilizational alternatives, cooperation of civilisations.

Сегодня как никогда ранее теоретическое наследие А.С. Панарина (1940–2003) является весьма важным для объяснения и понимания сюжетов и интриг актуальной мирополитической динамики. Тем более его идеи резонансно звучат в год предельного обострения глобального кризиса как такового, а также трудного поиска путей выхода из него. В этой связи хотелось бы обратить внимание на ряд ключевых положений разработанной им цивилизационной концепции, сегодня вполне востребованной и получившей содер­жательную верификацию [26, 23, 25, 8].

Для начала подчеркнем следующее. Наследие российского философа и политолога является предметом изучения и интерпретации многих современных исследователей, главным образом, принадлежащих к панаринской научной школе. Так, благодаря усилиям академика Е.П. Чельшева, профессоров И.К. Кучмаевой и В.Н. Расторгуева на различных научных, образовательных и политических площадках были организованы и стали проводиться на регулярной основе «Панаринские чтения».

К примеру, их тематика выглядит так: 2003 год: «Культурное наследие как основа национальной идентичности»; 2004 год: «Образование в России: Образ России»; 2005 год: «Наследие Александра Панарина»; 2006 год: «Культура наследования: природа дарения в глобализирующемся мире»; 2007 год: «Духовная и политическая власть»; 2008 год: «Цивилизация и цивили-

лизаторы: прошлое, настоящее, будущее»; 2009 год: «Россия и Русский мир: социальные перспективы в условиях модернизации»; 2010 год: «Цивилизационное развитие России: молодежь, культура, политика»; 2011 год: «Диалектика “вызова-ответа” в прогнозировании социального и культурного развития России»; 2012 год: «Миссия России в современном мире»; 2013 год: «Умная политика и цивилизационные вызовы»; 2014 год: «Цивилизационный контекст и экспертное обеспечение государственной политики России»; 2015 год: «Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития»; 2016 год: «Традиционализм и цивилизационный выбор»; 2017 год: «Выбор национальной стратегии в условиях нестабильности и цивилизационное наследие России»; 2018 год: «Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма»; 2019 год: «Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития»; 2020 год «Глобальные угрозы и солидарность цивилизаций».

При этом школа издает коллективные монографии, сборники материалов конференций, участвует в экспертных оценках культурно-политического развития России и стран, сопряженных с ее цивилизационным маршрутом. Своеобразным (хотя и промежуточным) итогом ее работы можно считать коллективную монографию «Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы» [27], в которой обозначены контуры позитивной повестки жизнестроительства России как страны-цивилизации.

Разумеется, во всех перечисленных мероприятиях и публикациях задействован эвристический потенциал цивилизационной концепции А.С. Панарина. Однако и сегодня при имеющем место «конфликте интерпретаций»¹ остается ряд неясностей как с концептуальной базой исследовательской позиции русского мыслителя, так и с ее методологической валентностью.

Поэтому ниже будет предложена реконструкция представлений А.С. Панарина с учетом понимания стратегического уровня развертывания мировых процессов. Иначе говоря, с прицелом на артикуляцию «цивилизационных стратегий» субъектов мировой политики, ныне вовлеченных в коллективную геополитическую игру глобально-исторического масштаба.

Так, под *цивилизационной стратегией* А.С. Панариным подразумевался «процесс приумножения общих интересов и создания единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные,

¹Например, нужно вспомнить достаточно жесткую интерпретацию концепции А.С. Панарина французским историком и политологом М. Ларюэлем [4]. К ней примыкает материал М. Пеуновой, где Панарин охарактеризован как мыслитель близкий к французским «новым правым», хотя и развивавшем евразийский дискурс [19]. К этому можно добавить исследование Фр. Матерна, показавшего некоторые теоретические совпадения во взглядах Л.Н. Гумилева и А.С. Панарина, имевших общий теоретический базис в классическом евразийстве [6]. Наконец, из последних работ нужно отметить текст П. Пиццоло, разрабатывающего «идеологию многополярного мира», в которой нашлось место и позиции А.С. Панарина [20].

невзирая на различия интересов, соблюдать общие “правила игры”» [18]. В таком случае можно допустить не только плюралный характер истории (а именно: цивилизационной дискретности, точнее – полиархичности, полиморфичности и полилинейности), но также их, цивилизационных субъектов, творческую, но вариативную открытость будущему. Равно как создание условий для единой формационной фазы.

Именно поэтому у русского мыслителя заявлено нетривиальное положение: «Ставкой грядущей исторической эпохи является путь развития мира после нынешней бифуркационной неопределенности: объединится ли мир на основе западной безраздельной гегемонии, или он будет объединяться на основе перехода от субъект-объектного принципа к диалоговому, коэволюционному» [13].

Тем не менее, методологически корректно будет заявить о том, что для самого А.С. Панарина предметом философско-исторических поисков всегда было *«бытие, существующее под знаком духа»*, т.е. отчетливо выраженная *пневматологическая транскрипция культурно-политических мировых и региональных реалий*. Но сам *«дух должен быть понят и истолкован с позиций Логоса, и события и перевороты, в нем совершающиеся, – на языке доказательных понятий, адресованных не слепой вере, но разуму»* [15] (курсив мой. – Д.М.).

Отсюда намерение – эксплицировать логику панаринской версии мирополитической динамики, обнаруживаемой и оцениваемой с позиции оригинальной логосо-центрированной цивилизационной концепции. Сама же исследовательская гипотеза статьи состоит не только в артикуляции панаринского наследия, в дескрипции многолетней деятельности его научной школы, нацеленной на интерполяцию идей мыслителя в реальную политику России, но также в реконструкции и интерпретации основных положений его цивилизационной концепции, приложимой к мирополитическому процессу, к его основным актуальным сюжетам и интригам.

При этом необходимо сделать ряд принципиальных уточнений. Говоря о взглядах на мирополитический процесс, нужно обратить внимание на категориальное пространство созданного им дискурса. Здесь вообще уместно говорить о структурно-циклических исторических категориях: «архаика», «модерн» и «постмодерн», равно как и сложносоставных – «мировых революциях», содержание и смысл которых хотя и многозначны, но все же привязаны к контрапункту западного мегацикла всемирной истории. В преломленном виде, хотим мы того или нет, они проступают в структуре и динамике русской истории², причем как в политической, так и в культурной ипостасях.

²Посвятив специальное исследование этому предмету, мыслитель резонно заметил: «Циклы российской истории – то же чередование западно-восточных фаз, только в отличие от цивилизаций Востока это чередование является *внутренней судьбой России*, продуцируясь изнутри» [13] (курсив мой. – М.Д.).

Во-первых, в рамках панаринского подхода «модерн» трактуется как идейно-мировоззренческая и практическая доминанта западного мегацикла всемирной истории (его «воспаряющей» траектории), восходящая к эпохам Ренессанса и Просвещения, но главное – открывающая «универсальную» перспективу видения структуры и динамики мировой истории. Естественно, с апелляцией к инстанции Разума, равно как прав и свобод.

Тем самым, в своем смысловом экстракте «модерн» – это вообще проект, связанный с выравниванием мира по западному образцу в качестве «естественного эталона человечества», его системных и «жизненно-мирных» измерений. Собственно любой революционаризм и реформаторство после 1789 года сопряжены, так или иначе, с этой логикой «выравнивания» («подтягивания» к современности) народов, стран и цивилизаций. Разумеется, с опорой на те или иные теории модернизации: «догоняющего развития», «зависимости» и прочее. И здесь «неклассические революции», прокатившиеся по Европе, Азии и Африке, являются зримым подтверждением этой теоретической догадки.

Причем, данная логика модерна, как правило, реализуется без учета цивилизационной природы не-западных субъектов историчности, их исторического опыта и творческих потенций. А значит перед нами сюжет, который может быть артикулирован как «покушение Запада на Историю».

В этой связи вспоминается недавняя формула британского антрополога Дж. Гуди о «присвоении» истории Западом. А именно, о его последовательной претензии на «изобретение» всех достижений модерна: демократии, нуклеарной семьи, рынка, университета и правосудия [2]. В нашей же версии это именно «покушение» на Историю, предстающее в виде аннигиляции иных цивилизационных миров и их самобытных социокультурных систем, впрочем, как и «запрограммированных» исторических маршрутов. Чаще всего – взаимосвязанных, коль скоро мы говорим о мирополитическом формате.

В такой методологической рамке появляются темы, посвященные не только трансформациям политических институтов, хозяйственных систем, культурных кодов и традиций, но и антропологических моделей и сопряженных с ними мутаций. И как тут не согласиться с доводами А.С. Панарина о том, что политическая жизнь на Западе манифестирует ряд принципов (принцип технологического отношения к миру; принцип неопределенности; атомарно-номиналистический принцип; принцип разделения власти; системно-функциональный принцип; принцип отделения ценностей от интересов; принцип «открытого общества»), обращенных к «иному» («иным») и имеющих явно деструктивную направленность и судьбу [7], которые вообще ломают привычную логику истории.

Во-вторых, «постмодерн» предстает в виде доминанты (нисходящей траектории того же мегацикла), отвращающейся не только от любого универсализма, иллюзорной веры в «прогресс», но активизирующей отказ

от мета-рассказов, ранее скреплявших сложные общества модерна, и какой бы то ни было логической упорядоченности опыта творения истории.

Проще говоря, плюральность и алогичность бытия и мышления являются манифестацией иррационального над рациональным, бессознательного над сознанием, витального над идеальным, игрового над не-игровым. И эта «сверхбунташность» постмодерна направлена не просто против любых рациональных схем мироустройства (хотя бы дуальных оппозиций: верх – низ, левое – правое, прогресс – регресс, цивилизация – варварство, мужское – женское, добро – зло, красота – безобразие), но против иномерных постмодерну мироустроительных проектов как таковых. При этом западные интеллектуалы и политики оставляют за собой «право» на подлинно аналитическую, экспертную и прогностическую функции в понимании происходящего, как и в футуромности нашего «скользкого» бытия (!).

В-третьих, «архаика» в этой и других работах мыслителя очерчена не только как отсталая и неэффективная форма существования социокультурных систем, но и как ярко выраженная традиционалистская их сущность. Как форма исторического присутствия она, как правило, соотнесена с большими письменными и устными (народными) традициями, с религиозными и моральными учениями и практиками, с неискаженным Этосом и Эстетизмом, равно как и с аутентичным традиционным картина мира Антропосом. Но самое важное тут то, что именно просветленной архаике, как считал мыслитель, суждено обновлять «дряхлающую», антихристианскую и антипросвещенческую Историю.

Однако сама монолинейная логика истории, восходящая к Дж. Вико, французским просветителям, немецкой классике, позитивистам, Марксу, У. Ростоу, О. Тоффлеру и т.д., а сегодня – к американским глобалистам, никак не устраивала российского мыслителя. Он полагал, что история всегда предоставляет народам и мировым цивилизациям³ право экзистенциально-ценностного выбора, совершаемого в сфере духовных усилий. Естественно, сопряженных с погашением культурно-политической энтропии, идущей с Запада.

В свете этого тезиса важно уяснить, что конструируемая им историческая (как и политическая) картина мира, как «гуманитарно понятая история» подразумевает онтологию разнообразия и диалога мировых культур, реальную полифонию, а важнейший смысл ее – «в сохранении и поддержке разнообразия» [12]. Собственно такая оптика вполне корреспондирует с русской цивилизационной теорией (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев,

³В работе «Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке» (1998) дана диспозиция ныне живущих цивилизаций: восточнохристианской, мусульманской, индубуддийской, конфуцианско-даосской, которые по отношению к волюнтаристски завершаемому западной цивилизацией процессу вестернизации мира (модернизации + постмодернизации) настроены, мягко говоря, скептически [12].

В.И. Ламанский, евразийцы), которая обосновывала онтологию «разновременности и размещенности». Последняя, как известно, давала шанс всем «деятелям» мировой исторической драмы.

Отсюда проистекает следующее, по своей сути антифукуямовское утверждение: «Нынешний статус Запада, полученный в результате краха тоталитарной сверхдержавы и ее сателлитов, отнюдь не является закономерным итогом и единственно возможной перспективой истории» [14]. Перспективы сугубо геополитической, подкрепленной финансово-экономическими и технико-технологическими инструментами. Точнее: иллюзии торжества «победителя», которую усвоили немногие предшественники нынешнего «гегемона», так и не сделавшего выводов из ошибок и просчетов прошлого⁴. Но из сказанного вытекает, что все эти годы возводимый США и их сателлитами PAX AMERICANA отличается сомнительной социокультурной легитимностью.

В данном контексте вполне уместно вспомнить о тезисе французского мыслителя П. Рикера, показавшего, что «истинность истории в истории» упирается в противоречия всякой историчности, а значит, подразумевает как *min* «диалектику Единого и Множественного» [22]. Разумеется, что тут неизбежен вопрос об отмене таковой хотя бы государством и лидером западного мира – США, которые единолично, как показывает исторический опыт, безапелляционно присвоили себе единоличное право быть и Новой Атлантидой, и Новыми Афинами, и Новым Римом, и Новым Израилем и Новым Иерусалимом – одновременно [1] (!).

В этой связи нетривиальным выглядит (пока не преодоленный) парадокс актуальной политической истории: тотальная вестернизация, осуществляемая под стягами «универсализма»⁵, едва ли не вызовет ответную реакцию мирового сообщества в виде явного цивилизационного плюрализма. Точнее: фигур самобытного духовного творчества и сотворчества не-западных цивилизационных миров. Поэтому тут вполне справедлив отказ многих следовать «в фарватере Америки под знаком идеологии либерализма», а также призыв к таковому для цивилизационных партнеров.

Естественно, с указанием на то, что западный модерн пришел к радикальному самовыврождению, что неприемлемо для цивилизаций, чья экзистенция вписывается в логику Большого времени. Недаром А.С. Панарин указывал на то, что «вызов», брошенный Западом остальному человечеству, имеет два критерия: во-первых, это «вызов» Просвещению как таковому, т.е. открытого им (проек-

⁴Нынешние сверхскандальные выборы 46-го президента США, как и имплозия всей их политической системы, едва ли оставляют шансы оптимистам модели «демократии свободы».

⁵Здесь подразумевается «правый глобализм» в его либеральной, англосаксонской-протестантской, в экстремуме – расистской версии такового. Причем, помноженной на технологической *ratio*. В свою очередь «левый глобализм», несмотря на тоталитарный проект, обладал исходным импульсом Просвещения и предполагал гуманизм.

том Просвещения) принципу и практике единой исторической судьбы; во-вторых, это «вызов» мировой стабильности и прямой путь к новой войне [13].

Делая здесь небольшое отступление, нужно вспомнить, что еще в 40-е годы Квинси Райт сформулировал положение о том, что все мировые цивилизации проходят четыре периода развития: 1) героический; 2) потрясений и войн; 3) сплочения и стабильности; 4) стагнирующий, отличаются своей воинственностью. Она просматривается не только на уровне религиозной (проповедь), политической (пропаганда), экономической (конкуренция) и социокультурной (насилие) борьбы, но на уровне военной доктрины. Последняя помимо этико-философских обоснований «права на войну» содержит регламент ведения войны конкретными лицами и социальными институтами. Наконец, «военное искусство» воинствующей цивилизации несет в себе силовые геополитические сюжеты, как правило, деструктивные [21].

Рассматривая под этим углом зрения Стратегию национальной безопасности и военную доктрину США, а также устав НАТО, нужно признать, что в них содержится желание тотального разрушения всех цивилизационных конкурентов. Но тот же К. Райт показал, что насквозь милитаризированные вавилонская, античная, ранняя арабская, турецко-османская цивилизации дезинтегрировались и ушли с исторической сцены по причине «кодирования» войны и перманентного осуществления таковой в региональных и транс-региональных контекстах. Спрашивается, на очереди западная цивилизация в ее «стагнирующей» фазе? (У Райта этот вопрос поставлен).

Помимо сказанного, нужно обратить внимание на еще одно фундаментальное обобщение, предложенное русским мыслителем. Оно прямо касается рассматриваемой темы: речь идет о фиксации «кризиса постулатов исторической рациональности». Они, между прочим, являются показателями потери части человечества, и прежде всего, его западной части морально-взвешенных (ценностно-рациональных) ориентиров.

Речь идет о том, что: а) история – это имманентный процесс, следовательно, «в истории – мы у себя дома»; б) в истории действует механизм согласования общественной эволюции: разные сферы общественной жизни развиваются как согласованный ансамбль; в) история разумна, ее движение имеет законченный антропоморфный смысл; г) Большая История, словно Господь Бог, равно благосклонна и к большим, и к малым народам, и к центру, и к периферии [17]. И здесь наиболее значим момент, отрицающий все перечисленные пункты, но в особенности последний.

Если следовать нынешним «пионерам» истории, то эти положения давно вынесены за «скобки», а большая часть человечества выброшена как несостоятельная на обочину истории. Причина – модель ветхозаветного «избранничества», культивируемая США и «коллективным Западом», в экстремуме отрицающая ее, истории, исходную полифоничность. Но ведь эту

модель экстраполировали и продолжают экстраполировать на весь мир, вопреки известной новозаветной перспективе: посильного и важного участия в делах земных (как и небесных, ибо Царствие Божие уготовано всем) множества племен и культур, равно как и всеобщего спасения!

Но сегодня, в ситуации, когда мир по-прежнему испытывает системный кризис, сознание единой судьбы человечества напрочь отсутствует на Западе. Так, в своем недавнем труде о десяти уроках для XXI века американский политолог Ф. Закария обозначил их следующим образом: 1) глобальные кризисы, включая пандемии, неизбежны; 2) нам нужно лучшее управление, а не большое правительство; 3) ничем не сдерживаемый капитализм вышел из-под контроля, поэтому назрела необходимость в усиленном регулировании мировой ситуации; 4) мы должны уважать науку и «слушать экспертов», которые, в свою очередь, обязаны избегать элитарного высокомерия и безответственности; 5) нам нужно управлять быстро развивающимися цифровыми технологиями, особенно биоинженерией и искусственным интеллектом; 6) мы должны принять Всемирную урбанизацию, но также и гуманизировать наши города; 7) COVID-19 ускоряет и усугубляет и без того разрушительное неравенство; 8) националистический популизм пульсирует, но некрологи глобализации преждевременны; 9) к лучшему или к худшему, в международных отношениях этого века будет доминировать конкуренция между США и Китаем; 10) функциональная многосторонняя система предлагает нам лучший форум для решения глобальных проблем [3].

Например, если сопоставить положения 3) и 8), можно увидеть их явную противоречивость. Или положение 7) об ускорении и углублении и без того разрушительного неравенства – по причине распространения COVID-19, – которое никак «лидером» современной истории не купируется. И вряд ли будет упразднено в будущем. Тем самым нужно признать верность интуиций А.С. Панарина относительно девальвации постулатов исторической рациональности, осуществленной на Западе как в теории, так и на практике.

Применительно к российской ситуации прозорливый ученый видел в парадоксе «национального самоопределения вплоть до отделения» главное средство разрушения цивилизационных и морально-религиозных твердынь. Разумеется, речь идет о катастрофе распада СССР и соцлагеря, «параде суверенитетов» и поиска некоторыми новыми государствами своей «ниши» в PAX AMERICANA и иных зависимых «мирах». Вместе с тем, именно этим твердыням, и здесь А.С. Панарин солидаризуется с великим русским консерватором К.Н. Леонтьевым, суждено сыграть роль «защитного механизма» в процессе формирования либерально-космополитического «всесмещения». Более того, позитивную роль в создании общемировых альтернатив американскому глобализму и гегемонизму он отводил «великим религиозным текстам», которые живут в больших цивилизационных про-

странствах, формируя, развивая и сохраняя таковые. Культивируя в них субъектность и сопричастность историческим свершениям. А значит, обеспечивая субъекты необходимой ценностными ориентациями в пространствах природы и морали (!).

В этой ситуации именно великая русская литература, фиксирует ученый, создала пространство постановки и обсуждения «вселенских вопросов»⁶, предложив не только народам Евразии, но всем вообще универсалистскую – «пушкинскую парадигму» культуры. Любопытно, но сегодня и Европа, как бы ее не искушали атлантисты, не в стороне от этого «чуда» русской истории, поскольку многие проекты России, как оказывается, имеют универсальную ценность⁷.

Не секрет также, что мыслитель эксплицировал возможные межцивилизационные синтезы (между восточнохристианской, мусульманской, индубуддийской и конфуцианско-даосской цивилизациями в пространстве большой Евразии) в контексте разработанного им позитивного сценария мировой динамики. А именно: восточного мегацикла всемирной истории с его подчеркнуто кооперативными решениями между Россией, Индией, Китаем и государствами, представляющими исламскую цивилизацию [10], которые призваны обновить сложившуюся ситуацию.

При этом обратим внимание и на панаринскую прогностику. При негативном сценарии – *мегатренде глобальной гражданской войны* – также предусмотрены альтернативы в виде реабилитации идейно-ценностного содержания, заложенного в культурных кодах указанных цивилизаций, плюс цивилизаций Европы, Латинской Америки и Афро-Азиатского Юга [17]. Проще говоря, согласно А.С. Панарину, начавшаяся война «богатых» против «бедных», или в макросоциологическом фокусе: «первого мира» со «вторым» и «третьим» мирами является абберацией исторического и политического сознания «творческого меньшинства» западной цивилизации. И здесь никакие ссылки на «невидимую руку рынка», неизбежность пандемии и т.д. просто не работают.

И все же, что важно подчеркнуть, главным открытием мыслителя нужно считать созданный им *концепт «духовная вертикаль Континента»*. В своем смысловом экстракте он содержит идею преодоления «социал-дарвинистской сегрегации модерна», плюс принцип прогрессирующего абсурда постмодерна, – за счет создания альтернативного существующему монопространству с его «горизонтальной осью»: Атлантика – Тихий океан, пространства диалога и согласия. В иной терминологии: последовательно

⁶Естественно, на основе христианского и просвещенческого суперэтнического текстов.

⁷Замечу, что сегодня уже очерчен поворот от присутствия России в Европейской семье народов – к цивилизационной самобытности. См.: [5].

формируемого Западом (=экономически и технологически «превосходящим» Севером) в общепланетарном пространстве конструкции «собирающей параллели» имеется альтернатива «меридионального согласия».

Но если в первом случае реализуются принципы и ценности «успеха» и «могущества», «богатства» и «власти над миром», то в рамках геополитической и междивизиационной вертикали в качестве доминанты просматривается «солидарность обездоленных и угнетенных». Помимо того именно в этом новом пространстве содержится фундаментальная задача переоткрытия «новой исторической судьбы» многих народов путем обращения к этикоцентрическим традициям цивилизаций Востока. Собственно это и есть позитивный сценарий развития мирополитического процесса, при котором может быть генерирована «грядущая общепланетарная реформация».

Рассматривая эту проблему в заявленном фокусе, нужно обратить внимание на этикоцентризм культурных традиций этих цивилизаций. Они принципиально отличны от главных стимулов цивилизации модерна – *наживы* и *страха*, как существующей «фабрики» постмодерна с его *бесконечно абсурдной игрой*. В конце концов, их, не-западных цивилизаций, культурные коды содержат т.н. моралистический монизм, или систему космо-, эко-, и культуроцентричных координат, позволяющих стабилизировать не только региональные системы, но и сам мировой политический процесс. Для всех них инвариант – подчинение экономической и технической деятельности такой гармоничной модели бытия, где *совестливость* и *ответственность*, *прилежание* и *солидарность* – суть исторические и трансисторические инварианты.

Думается, что именно резонанс «цивилизационных стратегий» этих субъектов истории позволит изменить ее русло и сам вектор движения.

Но обозначенные выше стимулы «развития» миросистемы, представленные в виде «вызовов» со стороны западной постхристианско-постпросвещенческой технологически-рыночно-урбанистской цивилизации, обращены к мусульманской, индо-буддийской, конфуцианско-даосской и русской цивилизациям. В потенциале – латиноамериканской и африканской. «Ответ» этих цивилизаций будет зависеть от сохранности базисных суперэтнических текстов и комплементарной идейно-ценностной мотивации. Проще: от способности цивилизаций и их лидеров найти такое духовно-нравственное целеполагание, которое сделает мир более справедливым и предсказуемым.

В свою очередь в основе возрождения России и причастных к ее маршруту народов и государств лежит *православная идея*. Если следовать тексту панаринской работы «Православная цивилизация в глобальном мире» (2002), она обозначена как *идея свободы*, сопряженная с неотчуждаемой никем и ничем *ответственностью за судьбу бытия*; как *идея благодати*, как антитеза

формализирующему закону, т.е. полагание промыслительно-чудодейственно-го вмешательства Божия в ход человеческой истории вопреки «всесильной» правоисчерпаемости; как *идея любви и сострадательности*, присутствующей в бытии в виде главной зиждительной силы; как *идея творчества*, сопряженная не с вычурным самовыражением и моралью земного успеха, а с аскезой и восхождением к высшим регистрам исторической экзистенции.

Понятно, что в таком виде она контрадикторна идеолого-ценностным потугам политических субъектов модерна, а тем более постмодерна с их редуccionистской программой в системных отношениях природы, общества и человека [11].

Что же касается самой России, ее нынешнего самосознания, этот морально-полагающий акт, согласно А.С. Панарину, предопределен дилеммой: гибель или творческое созидание [17]. Расшифровка таковой никак не заставляет себя ждать: безальтернативная модель западной неоллиберальной демократии никак несоизмерима с «экспериментами» посткоммунистических и постколониальных державах. Скорее, напротив, в них мы наблюдаем эмердженты, которые не были предусмотрены в чертежах Г. Киссинджера, З. Бжезинского, М. Макфола и других конструкторов «нового мирового порядка», поскольку у русских «душа болит» (Ф.М. Достоевский») об общем и главном.

Подводя итоги, можно сказать, что цивилизационная концепция А.С. Панарина служит важным методологическим ориентиром в понимании общемировой динамики, ее основной интриги и путей преодоления таковой, равно как перспектив цивилизационного бытия России.

Но решение рассматриваемой проблемы, актуализируемой сегодня в политической логике бытия мира, равно как и России (русской цивилизации), прозрачно и недвусмысленно: «Те, кого не оставила большая вера и большая любовь, отвергают гибель и выбирают подвиг созидания». Такая вера есть сегодня у народов, представляющих китайскую, отчасти исламскую и индо-буддийскую цивилизации, хотя и с уникальным интендированием своих целей и сущностей. Естественно, она имеется и всячески подтверждается экзистенцией русской (евразийской) цивилизации.

Следовательно данный выбор, хотим мы того или нет, со всей очевидностью предрешен. Он касается переоткрытия «творческого времени», т.е. создания условий и перспектив для полноценной кооперации всех субъектов актуальной и потенциальной Истории.

Муза Дмитрий Евгеньевич – доктор философских наук, академик Крымской академии наук, профессор, заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры Донецкого национального университета. 283001, ДНР, Донецк, ул. Университетская, д. 24.

Dmitry E. Muza – Sc.D. in Philosophy, Academician of Crimean Academy of Science, Professor, Donetsk National University.
283001, 24 Universitetskaya str., Donetsk, DNR.
dmuza@mail.ru

Список литературы

1. Garrison J. *America as Empire: Global Leader or Rogue Power?* San Francisco, California: Berret-Koehler Publishers, 2004. 192 p.
2. Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015. 432 с.
3. Zakaria F. *Ten Lessons for a Post-Pandemic World*. N.Y.: W.W. Norton&Company, 2020. 336 p.
4. Ларюэль М. Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // *Русский национализм: идеология и настроение: (сб. статей)*. М.: Центр «Сова», 2006. С. 165–182.
5. Linde F. *The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness* // *The Russian Review*. Vol. 75. Iss. 4. October 2016. P. 604–625.
6. Matern F. *The Discourse of Civilization in the Works of Russia's New Eurasianists: Lev Gumilev and Alexander Panarin* // *Civilization studies*. 2007. February. P. 1–39.
7. Муза Д.Е. Глобальное варварство как катализатор роста постцивилизационной онтологии (к логике тотального «вызова» и цивилизационных «ответов») // *Мир цивилизаций и «современное варварство»: роль России в преодолении глобального нигилизма: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н. Расторгуев; науч. ред. А.В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2019. С. 92–106.*
8. Муза Д.Е. *Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 288 с.
9. Панарин А.С. (а) *Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности*. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.
10. Панарин А.С. *Глобальное политическое прогнозирование*. М.: Алгоритм, 2000. 350 с.
11. Панарин А.С. *Православная цивилизация в глобальном мире*. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
12. Панарин А.С. *Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке*. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. 392 с.
13. Панарин А.С. (б) *Россия в циклах мировой истории*. М.: Изд-во МГУ, 1999. 287 с.
14. Панарин А.С. *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)*. М.: ИФ РАН, 1994. 262 с.
15. Панарин А.С. *Русская культура перед вызовом постмодернизма*. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
16. Панарин А.С. (в) *Современные проблемы философии истории // Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина*. М.: Гардарики, 1999. С. 24–160.
17. Панарин А.С. *Стратегическая нестабильность в XXI веке*. М.: Алгоритм, 2003. 640 с.
18. Панарин А.С. *Философия политики. Учебное пособие*. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
19. Peunova M. *An Eastern Incarnation of the European New Right: Aleksandr Panarin and New Eurasianist Discourse in Contemporary Russia* // *Journal of Contemporary European Studies*. No. 16 (3). P. 407–419.

20. Pizzolo P. Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World. N.Y.; London: Lexington Books, 2020. 302 p.
21. Wright Q. A Study of War. Chicago: University of Chicago Press, 1942. Vol. 1.
22. Рікер П. Історія та істина. К.: Видавничий дім «КМ Академія», Університетське видавництво «Пульсари», 2001. 393 с.
23. Сигачев М.И. Философия политики А.С. Панарина: становление авторской концепции и ее роль в современном политико-философском дискурсе. Автореф. дис. ... канд.полит.н. М., 2019.
24. Toynbee A. War and Civilization. N.Y.: Oxford University Press, 1950. 165 p.
25. Farah S. Russian Civilization. Meaning and Destiny. 2nd Edition. Cairo: Egyptian-Russian Foundation for Culture & Sciences, 2019.
26. Харин А.Н. Россия и мир в творчестве Александра Панарина. М.: Летний сад, 2017. 224 с.
27. Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы. Коллективная монография / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. 440 с.

References

1. Garrison J. America as Empire: Global Leader or Rogue Power? San Francisco., California: Berret-Koehler Publishers, 2004. 192 p.
2. Gudi Dzh. Pohishchenie istorii. M.: Ves' mir, 2015. 432 s.
3. Zakaria F. Ten Lessons for a Post-Pandemic World. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2020. 336 p.
4. Laryuel' M. Aleksandr Panarin i «civilizacionnyj nacionalizm» v Rossii // Russkij nacionalizm: ideologiya i nastroyeniye: (sb. statej). M.: Centr «Sova», 2006. S. 165–182.
5. Linde F. The Civilizational Turn in Russian Political Discourse: From Pan-Europeanism to Civilizational Distinctiveness // The Russian Review. Vol. 75. Iss. 4. October 2016. P. 604–625.
6. Matern F. The Discourse of Civilization in the Works of Russia's New Eurasianists: Lev Gumilev and Alexander Panarin // Civilization studies. 2007. February. P. 1–39.
7. Muza D.E. Global'noe varvarstvo kak katalizator rosta postcivilizacionnoj ontologii (k logike total'nogo «vzova» i civilizacionnyh «otvetov») // Mir civilizacij i «sovremennoe varvarstvo»: rol' Rossii v preodolenii global'nogo nigilizma: Kollektivnaya monografiya po materialam XVI Mezhdunarodnyh Panarinskih chtenij / Otv. red. V.N. Rastorguev; nauch. red. A.V. Nikandrov / Ros. nauch.-issled. in-t kul'turnogo i prirod. naslediya im. D.S. Lihachyova (Institut Naslediya); Moskovskij gos. un-t imeni M.V. Lomonosova, Filos. f-t. M.: Institut Naslediya, 2019. S. 92–106.
8. Muza D.E. Russkaya civilizaciya v usloviyah strategicheskoy nestabil'nosti: poiski formuly samostoyaniya. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2020. 288 s.
9. Panarin A.S. (a) Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyah strategicheskoy nestabil'nosti. M.: Editorial URSS, 1999. 272 s.
10. Panarin A.S. Global'noe politicheskoe prognozirovanie. M.: Algoritm, 2000. 350 s.
11. Panarin A.S. Pravoslavnaya civilizaciya v global'nom mire. M.: Algoritm, 2002. 496 s.
12. Panarin A.S. Revansh istorii: rossijskaya strategicheskaya iniciativa v XXI veke. M.: Izdatel'skaya korporaciya «Logos», 1998. 392 s.
13. Panarin A.S. (b) Rossiya v ciklah mirovoj istorii. M.: Izd-vo MGU, 1999. 287 s.
14. Panarin A.S. Rossiya v civilizacionom processe (mezhdru atlantizmom i evraziystvom). M.: IF RAN, 1994. 262 s.
15. Panarin A.S. Russkaya kul'tura pered vyzovom postmodernizma. M.: IF RAN, 2005. 188 s.

16. Panarin A.S. (v) *Sovremennye problemy filosofii istorii* // *Filosofiya istorii: Ucheb. posobie* / Pod red. prof. A.S. Panarina. M.: Gardariki, 1999. S. 24–160.
17. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke*. M.: Algoritm, 2003. 640 s.
18. Panarin A.S. *Filosofiya politiki. Uchebnoe posobie*. M.: Novaya shkola, 1996. 424 s.
19. Peunova M. An Eastern Incarnation of the European New Right: Aleksandr Panarin and New Eurasianist Discourse in Contemporary Russia1 // *Journal of Contemporary European Studies*. No. 16 (3). P. 407–419.
20. Pizzolo P. *Eurasianism: An Ideology for the Multipolar World*. N.Y.; London: Lexington Books, 2020. 302 p.
21. Wright Q. *A Study of War*. Chicago: University of Chicago Press, 1942. Vol. 1.
22. Riker P. *Istoriya ta istina*. K.: Vidavnichij dim «KM Akademiya», Universitets'ke vidavnictvo «Pul'sari», 2001. 393 s.
23. Sigachev M.I. *Filosofiya politiki A.S. Panarina: stanovlenie avtorskoj koncepcii i eyo rol' v sovremennom politiko-filosofskom diskurse. Avtoref. dis. ... kand.polit.n. M., 2019*.
24. Toynbee A. *War and Civilization*. N.Y.: Oxford University Press, 1950. 165 p.
25. Farah S. *Russian Civilization. Meaning and Destiny*. 2nd Edition. Cairo: Egyptian-Russian Foundation for Culture & Sciences, 2019.
26. Harin A.N. *Rossiya i mir v tvorchestve Aleksandra Panarina*. M.: Letnij sad, 2017. 224 s.
27. *Civilizacionnoe razvitie Rossii: nasledie, potencial, perspektivy. Kollektivnaya monografiya* / Pod obshch. red. V.A. Cheresheva, V.N. Rastorgueva. M.: Izdatel' Vorob'yov A.V., 2018. 440 s.